

Эрнест
БЕККЕР

Отрицание смерти

PHILOSOPHY

Эрнест Беккер

Отрицание смерти

Серия «Философия – Neoclassic»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69299182
Отрицание смерти / Эрнест Беккер ; [перевод с английского А.
Ерыкалина]: АСТ; Москва; 2023
ISBN 978-5-17-127227-2

Аннотация

Книга американского психолога и антрополога Эрнеста Беккера (1924—1974) «Отрицание смерти» (Пуллитцеровская премия, 1974) стала классическим трудом в области психологии и философии. Беккер анализирует, как страх смерти влияет на человеческую жизнь и поведение, отношения с другими людьми и общество в целом, и объясняет, как отрицание смерти влияет на мотивации и действия, и становится источником многих проблем и конфликтов. Автор объединяет огромный спектр областей – от психологии и философии до религии и гуманитарных наук, и опирается на работы Сёрена Кьеркегора, Зигмунда Фрейда, Нормана Брауна и Отто Ранка.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Вступление	6
Глава 1	18
Заключение	31
Часть I	33
Глава 2	33
Довод «здравого разума»	36
Довод «патологического разума»	40
«Исчезновение» страха смерти	50
Глава 3	59
Экзистенциальная проблема человечества	59
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Эрнест Беккер

Отрицание смерти

Памяти моих горячо любимых родителей, невольно давших мне, помимо многого другого, наиболее парадоксальный подарок из всех возможных – сомнение в героизме.

Non ridere, non lugere, neque detestari, sed intelligere.

Не смеяться, не плакать, не проклипать, а понимать.

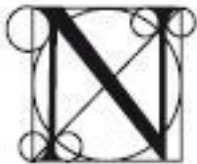
Бенедикт Спиноза

Серия «Философия – Neoclassic»

Ernest Becker
THE DENIAL OF DEATH

Перевод с английского А. Ерыкалина

© The Free Press, 1973

© Перевод. А. Ерыкалин, 2023

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Вступление

...в настоящий момент я перестал писать – миру уже сказано достаточно правды, – так много, что ее уже никому слушать!

Отто Ранк¹

Перспектива смерти, говорил доктор Джонсон², удивительным образом способствует концентрации. Основной тезис этой книги заключается в том, что перспектива смерти значит гораздо больше: идея смерти, ее страх, преследует человеческий род как ничто другое. Это движущая сила его жизнедеятельности – той самой, что имеет своей целью избавить человека от смерти, преодолеть ее, отрицая тот факт, что смерть в каком-то смысле является последним человеческим предназначением. Известный антрополог А. М. Хокарт³ утверждал, что первобытные люди не испытывали страха смерти. Существует множество антропологических

¹ Здесь и далее цифры указывают на библиографический список в конце книги. – *Здесь и далее примечания редактора, если не указано иное.*

² *Джонсон, Сэмюэл*, часто упоминаемый как доктор Джонсон (1709–1784) – английский литературный критик, писатель и лексикограф эпохи Просвещения.

³ *Хокарт, Артур Морис* (1883–1939) – франко-британский ученный, археолог и антрополог, посвятивший шесть лет изучению различных островных сообществ в южной части Тихого океана. Внес большой вклад в понимание взаимодействия между индивидуальной и социальной психологией, с одной стороны, и культурой и социальной организацией, с другой.

свидетельств, что смерть часто сопровождалась радостью и празднованием, и казалась больше поводом для веселья, чем для страха – вспомните хотя бы традиционные ирландские поминки. Хокарт хотел развеять убеждение, что первобытные люди, по сравнению с современными, были инфантильными и боялись окружающего мира – антропологи в этом вопросе их давно реабилитировали. Но это утверждение не касается того факта, что страх смерти на самом деле универсален для человеческого существования. Несомненно, как показывает Хокарт и другие ученые, первобытные люди часто праздновали смерть, потому что верили, что она – последний шаг, последний ритуал перехода к высшей форме жизни и, в каком-то смысле, наслаждению вечностью. Большинству современных жителей западных стран в это сложно поверить. Это и делает страх смерти столь значимой частью нашей психологической натуры.

На страницах этой книги я постараюсь показать, что страх смерти универсален и объединяет данные нескольких гуманитарных наук. Он делает ясными и понятными те человеческие действия, которые мы похоронили под горами фактов и непоследовательных утверждений об «истинных» мотивах человека. Современный образованный человек сгибается под грузом, существование которого он даже не мог себе представить: избыток правды, которую нельзя принять. Веками люди жили с верой в то, что истина тонка и неуловима, а стоит лишь найти ее, как все проблемы человечества

будут решены. И вот в последние десятилетия двадцатого века – мы задыхаемся от правды. Уже было написано столько блестящих работ, сделано столько гениальных открытий, а на их основе разработано столько технологий, и все равно мозг остается безмолвным, пока мир мчится по своему многовековому пути. Я помню, как читал об одном выступлении на престижном научном собрании в рамках мировой выставки в Сент-Луисе в 1904 году. Спикеру было трудно читать доклад из-за шумной демонстрации нового вооружения, проходившей совсем рядом. Он заявил свысока, что подобное мероприятие совершенно бесполезно, а будущее принадлежит науке, но никак не милитаризму. Первая мировая война всем показала расстановку приоритетов на этой планете, и кто занимался глупостями, а кто – делом. В этом году порядок приоритетов также наглядно показан мировыми затратами на военную отрасль в 204 миллиарда долларов, и это в то время, когда условия жизни человечества хуже, чем когда-либо.

Тогда зачем, спросит читатель, добавлять еще один увесистый том правды, которую все равно никто не будет слушать? Ну, здесь, конечно, есть личные причины: привычка, целеустремленность, упрямый оптимизм. И есть Эрос, побуждающий к унификации опыта и большей осмысленности. Одна из причин, как мне кажется, в том, что знание, находясь в состоянии бесполезного перепроизводства, рассыпано повсюду и звучит в тысяче соперничающих между собой

голосов. Внимание к его незначительным и бессмысленным фрагментам раздуто непомерно, а важнейшие, имеющие мировое значение озарения, остаются в тени, тщетно пытаюсь привлечь к себе внимание. Не существует никакого пульсирующего жизненно важного центра. Норман О. Браун⁴ замечает, что всему миру нужно больше Эроса и меньше споров, а интеллектуальному – особенно. Должна быть найдена гармония, объединяющая множество различных позиций, и способная ослабить «неэффективную и безграмотную полемику».

Я написал эту книгу в основном как попытку связать воедино Вавилонскую башню мнений о человеке и условиях его существования. Я верю в то, что наше время нуждается в синтезе лучших идей из многих отраслей знания, от гуманитарных наук до религии. Я старался избегать открытого противостояния и отрицания любой точки зрения, сколь угодно неприятной лично мне, но содержащей ядро истины. Последние несколько лет во мне росло понимание того, что задача человеческого знания не в противопоставлении и уничтожении полярных мнений, а во включении их в большую теоретическую структуру. Ирония созидательного процесса кроется в том, что он калечит себя ради функционирования. Обычно я имею в виду, что для того, чтобы выпустить ста-

⁴ Браун, Норман Оливер (1913–2002) – американский ученый, писатель и социальный философ. Его работы посвящены обширным и интеллектуально сложным размышлениям об истории, литературе, психологии, культуре и т. д.

тью, автор должен чрезмерно выпятивать ее акценты, жестко противопоставляя их другим вариантам истины. И этот процесс постепенно захватывает автора, поскольку из преувеличенных акцентов складывается его образ как мыслителя. Но в основе позиции каждого честного ученого, по сути своей являющегося эмпириком, должна быть определенная доля истины. И не важно, насколько резко он ее сформулировал. Проблема состоит в том, чтобы обнаружить истину под этим преувеличением, убрать с нее излишние осложнения или искажения, и встроить ее в подходящее место.

Вторая причина написания мной этой книги в том, что за последние десять лет у меня было немало проблем с подбором подходящих истин. Я пытался глубже вникнуть в суть идей Фрейда, а также его интерпретаторов и преемников, погружаясь в то, что, должно быть, является квинтэссенцией современной психологии. И думаю, что наконец-то в этом преуспел. В этом смысле данная книга может принести мир в мою душу ученого, предложив ей интеллектуальное прощение. Я чувствую, что это моя первая зрелая работа.

Одна из главных целей, которую я преследую в этой книге – дать сжатое изложение психологии после Фрейда, связав ее развитие со все еще значимой фигурой Кьеркегора. Таким образом, я отстаиваю соединение психологии и мифо-религиозной точки зрения. Этот постулат я значительной степени основываю на работе Отто Ранка⁵, сделав серьезную по-

⁵ Ранк, Отто (1884–1939) – австрийский психоаналитик, писатель и философ,

пытку передать великолепие памятника его мысли. Проникнуть в суть работы Ранка нужно было очень давно, и если я в этом преуспел, то здесь и заключается главная ценность этой книги.

Взгляды Ранка настолько заметны на этих страницах, что, наверное, во введении будет полезным сказать о нем пару слов. Фредерик Перлз⁶, однажды заметил, что книга Ранка «Искусство и Художник» была «выше всяких похвал». Помню, меня настолько поразила эта оценка, что я тут же бросился к книге: просто не мог представить, как что-то научное может быть «выше всяких похвал». Даже работа самого Фрейда казалась мне, так сказать, достойной – ожидаемым продуктом человеческого разума. Но Перлз был прав: Ранк был – как говорит молодежь – «просто отпад». Нет слов, чтобы достойно похвалить его работу, потому что она фантастическая в своей чистоте изложения. Она превосходна и самостоятельна, а мысли в ней кажутся подарком, превосходящим все ожидания. Полагаю, отчасти причина в том – в дополнение к его гениальности, – что мысль Ранка всегда охватывает несколько областей знания. Когда он пишет, скажем, об антропологии, вы ожидаете каких-то мыслей и информации об антропологии, а получаете нечто намного большее. Живя в эпоху гиперспециализации, мы уже не ожидаем та-

один из ближайших коллег Зигмунда Фрейда.

⁶ Перлз, Фредерик Саломон (1893–1970) – немецкий врач-психиатр, психотерапевт. Основоположник гештальт-терапии.

кого удовольствия, потому что эксперты предлагают нашему вниманию посильные и привычные потрясения – если их работы вообще могут нас потрясти.

Я очень надеюсь, мое противостояние Ранку побудит читателя ознакомиться с его книгами. Чтение работ Ранка ничем нельзя заменить. Листы тех книг, что были у меня, испещрены большим количеством пометок, подчеркиваний, двойных восклицательных знаков. За годы размышлений и озарений я полностью проникся этим автором. Мое изложение Ранка, это обобщение его мыслей: принципов, базовых идей и всеобъемлющих смыслов. Здесь будет лишь его бледная тень. Настоящий поразительно яркий Ранк существует только внутри своих работ. Кроме того, обобщающая презентация Айры Прогоффа⁷ и его оценка творчества Ранка настолько точны, настолько сбалансированы в суждениях, что очень трудно превзойти их с помощью простой лаконичной признательности. Рассуждения Ранка очень пространны, их трудно воспринимать, так что обычному читателю он практически недоступен. Сам автор переносил это очень болезненно и какое-то время надеялся, что Анаис Нин⁸ пере-

⁷ *Прогофф, Айра* (1921–1998) – американский психотерапевт. Его основной интерес был связан с глубинной психологией и особенно с гуманистической адаптацией юнгианских идей к жизни обычных людей.

⁸ *Нин, Анаис* (1903–1977) – американская писательница французского происхождения. С одиннадцати лет и до самой смерти вела дневники, подробно описывая многочисленные любовные связи, в том числе с психоаналитиком Отто Ранком и писателем Генри Миллером.

пишет его книги, чтобы у них появился шанс произвести тот эффект, которого они были достойны. На этих страницах я предлагаю свою версию Ранка, представив по-своему что-то вроде краткого «перевода» его системы, надеясь сделать ее доступной для всех. В этой книге я перескажу лишь его психологию личности, а в другой схематично обрисую взгляды на психологию историческую.

Есть несколько способов трактовать работы Ранка. Некоторые видят в нем блестящего единомышленника Фрейда, одного из родоначальников психоанализа. Своей широкой эрудированностью, он расширил ценность этого направления науки, показав, как психоанализ может объяснить историю культуры, миф и легенду. Например, как было сделано в его ранних работах «Миф о рождении героя» и «Мотив инцеста». Кто-то может сказать, что поскольку сам Ранка никогда не был у психоаналитика, подавленные страсти взяли над ним верх, и он бросил спокойную творческую жизнь вблизи Фрейда. В последние годы жизни его психика окончательно расшаталась, он скоропостижно скончался в отчаянии и одиночестве. Другие увидят в нем чересчур усердного последователя Фрейда, который слишком рано попытался быть оригинальным, и таким образом совершил даже чрезмерное психоаналитическое упрощение. Такая точка зрения обычно основывается исключительно на его книге 1924 года «Травма рождения» и не принимает во внимание другие работы. И все же некоторые считают Ранка блестящим пред-

ставителем близкого круга Фрейда и его ярким поклонником. Именно Фрейд предложил Ранку поступить в университет, а позже помогал оплатить образование, а Ранк отплатил за это психоанализу проникновением во многие смежные области знания: историю, культуру, воспитание детей, психологию искусства, литературную критику, первобытное мышление и так далее. Короче говоря, он был многогранным, но не очень хорошо организованным или не умеющим себя контролировать вундеркиндом – так сказать, Теодор Райк⁹ с более высоким интеллектом.

Но все эти попытки охарактеризовать Ранка ошибочны, и проистекают в основном из разговоров среди самих психоаналитиков. Они так и не простили Ранку того, что он отвернулся от Фрейда, обесценив их собственный бессмертный символ (и использовал собственный подход к пониманию их ожесточения и мелочности). Надо признать, книга Ранка «Травма рождения» дала недоброжелателям рычаги воздействия на автора, обоснованную причину выставить его личность в неприглядном свете. Это была чрезмерно утрированная книга, обреченная на провал, и испортившая имидж Ранка в глазах общественности. И это несмотря на то что впоследствии он сам изменил свое отношение к этой работе и продвинулся в своих исследованиях гораздо дальше. Бу-

⁹ Райк, Теодор (1888–1969) – американский психоаналитик немецкого происхождения, один из первых учеников Фрейда, был пионером психоанализа в Соединенных Штатах, автор многочисленных работ по проблемам культуры и религии.

дучи непросто партнером Фрейда, а всесторонне развитым последователем психоанализа, Ранк обладал собственной – уникальной – системой убеждений. Он знал, с чего ему нужно было начать, какой массив данных обработать и на чем заострить внимание. Ранк точно знал все то, что касается самого психоанализа, за пределы которого пытался выйти, и в итоге вышел. Философские смыслы его собственной системы взглядов были намечены им лишь приблизительно, но оформить их более четко он не успел. Жизнь оборвалась слишком рано. Безусловно, Ранк был таким же родоначальником новой системы, как Адлер¹⁰ или Юнг, и его взгляды были, по меньшей мере, не менее, а может даже и более блестящи, чем их. Мы уважаем Адлера за целостность суждений, прямоту его аналитических заключений и бескомпромиссный гуманизм. Юнгом мы восхищаемся за храбрость и открытость, с которой он объединил науку и религию. Но еще больше, чем эти двое, Ранк в своей системе показал важнейшие глубинные смыслы, позволившие значительно развить социологию, смыслы, которые только начали раскрываться.

Пол Розен, работая над книгой «Легенда о Фрейде» метко отметил, что «любой мыслитель, чьи ошибки требуют так много времени для исправления, является... довольно значительной фигурой в интеллектуальной истории». Это

¹⁰ Адлер, Альфред (1870–1937) – австрийский психиатр, основатель системы индивидуальной психологии. Рассматривал человека как индивидуальное целое.

утверждение тем более любопытно, учитывая, что Адлер, Юнг и Ранк очень рано исправили большинство главных ошибок Фрейда. Историков гораздо больше волнует вопрос, что такого было в природе психоаналитического движения, в самих идеях, в массовом и научном сознании, что эти исправления игнорировались или оставались в стороне от развития научной мысли.

Даже если в книге представлен широкий взгляд на проблему, автор должен чрезвычайно тщательно отбирать истины из того огромного массива, что давит на нас. Множество известных мыслителей упомянуто лишь мимоходом: читатель может задаваться вопросом, почему я постоянно говорю о Ранке и едва упоминаю Юнга в книге, основная цель которой заключается в соединении психоанализа и религии. Одна из причин заключается в том, что Юнг очень заметен и у него есть много прекрасных толкователей, в то время как Ранк едва известен и о нем мало кто говорит. Вторая причина в том, что, хотя мысли Ранка сложны, они всегда указывают на суть проблем, в то время как умозаключения Юнга – нет, и большая их часть скатывается в ненужную эзотерику. Как результат, он часто одной рукой скрывает то, что только что открыл другой. Мне кажется, что все тома, написанные им об алхимии, не добавили ни грана ценности к его мыслям о психоанализе.

Многим мыслям о человеческой природе я обязан общению с Марией Беккер, чья острота ума и реализм, с которым

она чувствует подобные вещи, очень редки. Хочу поблагодарить (с обязательным упоминанием) Пола Розена за любезное согласие просмотреть шестую главу с учетом его прекрасного знания философии Фрейда. Роберт Н. Беллах прочитал всю рукопись, и я очень благодарен за его критический подход и точные замечания. Благодаря некоторым из них, я смог значительно улучшить книгу, а остальная их часть, похоже, поставила передо мной значительную и долгосрочную задачу по изменению себя.

Глава 1

Введение: человеческая природа и героизм

В такие времена, как наши, существует большой спрос на выработку концепций, которые могли бы помочь людям разбираться с дилеммами, существует стремление к важным идеям, к упрощению ненужной интеллектуальной сложности. Иногда это порождает большую ложь, которая позволяет разрешить напряжение и двигаться дальше, руководствуясь лишь так необходимыми человечеству оправданиями. Но это также приводит к постепенному отказу от истин, позволяя людям понять, что на самом деле с ними происходит, и указать, в чем на самом деле проблема.

Одна из таких важных истин долгое время была известна, как идея героизма, но в «нормальные» научные времена мы никогда не придавали ей большого значения, не выставляли напоказ и не использовали как основное понятие. И все же разум обывателя всегда понимал, насколько это было важно. Например, Уильям Джеймс¹¹ – говоривший практически обо всем – на рубеже веков отмечал: «обычное стремление че-

¹¹ *Джеймс, Уильям* (1842–1910) – американский философ, историк и психолог, первый педагог, предложивший курс психологии в США, считается «отцом американской психологии».

ловечества к постижению реальности... всегда признавало окружающий мир не чем иным, как театром героизма». Не только носителям массового сознания, но и философам всех времен, а в нашей культуре особенно Эмерсону¹² и Ницше – поэтому мы и потрясены ими, – было известно: наше главное призвание, главная цель существования на этой планете – стремление к героизму¹³.

Один из взглядов на все развитие социологии со времен Маркса и психологии со времен Фрейда заключается в детальном представлении и максимальном прояснении проблемы человеческого героизма. Такая перспектива задает тон всей серьезности нашего обсуждения, ведь теперь у нас есть научное обоснование истинного понимания природы героизма и его места в жизни человека. Если «стремление человечества к постижению реальности» действительно такое, как говорил Джеймс, то мы получили прекрасную возможность представить эту реальность научным путем.

Одно из ключевых понятий для понимания человеческого стремления к героизму – это идея «нарциссизма». Как пре-

¹² Эмерсон, Ральф Уолдо (1803–882) – американский эссеист и философ, возглавлявшим трансценденталистское движение середины XIX века. Считался поборником индивидуализма и прозорливым критиком противодействующего давления общества.

¹³ В предстоящей дискуссии я буду вынужден повторить и объединить то, что я уже писал раньше («Рождение и смерть смысла»/ *The Birth and Death of Meaning*, Second Edition, New York: Free Press, 1971), чтобы создать основу для последующих глав. – *Примеч. автора.*

красно напомнил нам Эрих Фромм, это одна из величайших и неустаревающих идей Фрейда. Последний обнаружил, что каждый из нас повторяет трагедию мифического Нарцисса: мы безнадежно поглощены собой. Если мы о ком и заботимся, то, в первую очередь о себе. Как когда-то сказал Аристотель: «удача, это когда стрела пронзила твоего соседа». За две с половиной тысячи лет ничего не изменил. Чаще всего для большинства из нас такое определение удачи все еще прекрасно работает. Одна из худших сторон нарциссизма в том, что мы считаем, будто бы пренебречь можно практически кем угодно, кроме нас. Как однажды высказался Эмерсон, нам стоит быть готовыми создать новый мир из самих себя, даже если больше никого вокруг не существует. Эта мысль пугает: мы не знаем, как это сделать без чьей-либо помощи. И все же где-то в глубине силы и средства у нас есть: нам будет достаточно самих себя, если потребуется, и если мы сможем доверять себе так, как того хотел Эмерсон. И даже если мы не чувствуем этого доверия на эмоциональном уровне, большинство из нас продолжает бороться за выживание, сколько бы ни гибло вокруг. Наш организм готов в одиночку заполнить целый мир, даже если мозг сжимается при мысли об этом. Этот нарциссизм во время войны заставляет людей идти под бьющие в упор пули: в душе каждый не думает, что умрет, а лишь чувствует жалость к тому, кто рядом с ним. Фрейд объяснял это тем, что подсознание не знает о смерти или времени: на уровне глубоких физиологиче-

мических процессов человек чувствует себя бессмертным.

Ни одно из этих наблюдений не подразумевает человеческого лукавства. Не похоже, чтобы человек мог «удержаться» от собственного эгоизма, который, по-видимому, проистекает из животной природы. На протяжении бесчисленных веков эволюции организм был вынужден защищать свою неприкосновенность; у него была собственная физиологохимическая идентичность, и он посвятил себя ее сохранению. В этом и есть одна из главных проблем трансплантации: организм защищает себя от инородного тела, даже если это новое сердце, которое сохранит ему жизнь. Протоплазма сама оберегает себя, защищает себя от мира, от посягательств на ее целостность. Кажется, она наслаждается собственной пульсацией, расширяясь и поглощая части окружающей реальности. Если вы возьмете слепой и тупой организм, дадите ему самосознание и имя, заставите его выделиться из природы и осознать, что он уникален, то получите нарциссизм. Что касается человека, то физиологохимическая идентичность и чувство власти и действия стали сознательными.

Естественный уровень нарциссизма в человеке неотделим от чувства собственного достоинства, от базового чувства самооценки. Мы узнали, в основном от Альфреда Адлера, что человеку больше всего нужно чувствовать себя уверенным в своей самооценке. Но человек – это не просто сгусток бесполезной протоплазмы, а существо, которое обладает именем и живет в мире символов и мечтаний, а не про-

стой материи. Его чувство самооценки само по себе символично, его взлелеянный нарциссизм подпитывается символами и абстрактной идеей собственной значимости. Эта идея состоит из звуков, слов и образов, витающих в воздухе, существующих в уме и написанных на бумаге. И это значит, что естественное стремление человека к активности, к радости от совместной деятельности и экспансии, может безгранично подпитываться символами и превращаться в бессмертие. Отдельно взятый организм может расширяться во всех измерениях пространства и времени без перемещения своей физической оболочки, и, даже умирая от удушья, может принять в себя вечность.

Мы видим, что в детстве борьбу за самооценку скрывают меньше всего. Дети не стыдятся показывать, что им нужно и чего они хотят. Весь детский организм выкрикивает требования естественного нарциссизма. И это требование может превратить детство в настоящий ад для окружающих взрослых. Особенно если несколько детей соревнуются за право безграничного самовыражения, за то, что можно назвать «космической значимостью». Это весьма серьезное понятие, поскольку именно в этом направлении и движется наш разговор. Нам нравится легкомысленно говорить о «детской ревности», как о каком-то побочном продукте взросления, как о соперничестве и эгоизме испорченных детей, еще не достигших возраста развитого члена общества. Однако эта ревность требует слишком много сил и не ослабевает ни на ми-

нута, чтобы быть отклонением от нормы. В ней выражается квинтэссенция существа: желание выделиться, быть единственным в окружающем мире. Если объединить природный нарциссизм и базовое чувство самоуважения, получится существо, ощущающее себя объектом первичной ценности, важнейшим во вселенной, представляющим собой отражение жизни в целом. Это и есть причина ежедневной и обычно мучительной борьбы с детьми. Ребенок не может позволить себе быть вторым или обесцененным, не говоря уже о том, чтобы быть покинутым. «А ему вы дали конфету больше, чем мне! А ему вы дали больше сока!» – «Ну вот, возьми еще». – «А теперь у нее больше, чем у меня!» «Ей вы даете зажигать камин, а мне нет!» – «Ну вот, зажги этот кусочек бумажки». – «Но он меньше, чем тот, что зажгла она!». И так далее, и так далее... Существо, обладающее символическим чувством собственной значимости, вынуждено ежеминутно сравнивать себя со всеми вокруг, чтобы убедиться, что оно внезапно не стало вторым. Детская ревность – это важная проблема, отражающая базовое человеческое состояние. Дети не злобные, эгоистичные или высокомерные, они просто очень открыто выражают трагическую судьбу человека: им безумно нужно оправдывать себя как объект высочайшей вселенской ценности. Ему нужно выделяться, быть героем, совершать максимально возможный вклад в жизнь всего мира, показывать, что он стоит больше, чем другие.

Когда мы в полной мере осознаем, насколько естествен-

но для человека стремление к героизму, насколько глубоко это заложено эволюцией в его организм, насколько открыто он демонстрирует его, будучи ребенком, тогда становится еще интереснее, насколько большинство из нас сознательно не понимают того, чего хотят и что необходимо. Как бы там ни было, в нашей культуре, особенно в современности, героизм кажется чем-то слишком большим для простого обывателя, или мы слишком малы для него. Скажите молодому человеку, что он может стать героем, и тот покраснеет в ответ. Мы маскируем нашу борьбу, добавляя нули к сумме на счету в банке, чтобы негласно отразить наше чувство героической ценности. Или имея чуть лучший дом в округе, чуть более вместительную машину и более красивых детей. Но за всем этим пульсирует болезненное чувство космической уникальности, вне зависимости от того, как тщательно мы его прячем за мелочами. Время от времени кто-то может заявить, что серьезно относится к собственному героизму, от чего большинство из нас бросает в дрожь. Например, так сделал конгрессмен США Мендель Риверс, вложивший массу денег в оборонно-промышленные предприятия и заявивший после этого, что он самый могущественный человек со времен Юлия Цезаря. Мы можем содрогаться от пошлости приземленного героизма как Цезаря, так и его последователей, но это не их вина. Дело в обществе, развившем систему героизма, и в людях, которым дозволяется играть эти роли. Нужно честно признать, что стремление к героизму есте-

ственно. И это признание может пробудить сдерживаемую силу таких масштабов, что она может разрушить общество, каким мы знаем его сейчас.

Дело в том, что общество сейчас таково, как и было всегда: символическая система действий, структура статусов и ролей, привычек и правил поведения, созданная для того, чтобы стать движущей силой земного героизма. Каждая модель поведения в чем-то уникальна, а каждая культура – это отличная от других система героев. То, что антропологи называют «культурным релятивизмом», на самом деле есть относительность героических систем по всему миру. Но каждая культурная система – это драматизация земного героизма. И каждая система отводит роли для представления различных степеней героизма: от «высокого» героизма Черчилля, Мао или Будды, до «низкого» героизма шахтера-угольщика, крестьянина, простого священника. Простой каждодневный приземленный героизм написан заскорузлыми руками, которые вытаскивают семью из голода и болезней.

Не имеет значения, является ли культурная героическая система чисто магической, религиозной и примитивной, или светской, научной и цивилизованной. Главное, это мифологическая система, и целью людей в ней является приобретение чувства собственной первостепенной ценности, космической уникальности, важнейшей пользы для окружающего мира и непоколебимой значимости. Они добиваются этого чувства, зубами выгрызая себе место в природе, создавая

памятник человеческим ценностям: храм, собор, тотемный столб, небоскреб, семью, включающую в себя три поколения. Люди верят и надеются, что вещи, которые создает человек, обладают непреходящей ценностью и могут пережить и пре-
взойти смерть и упадок; человек и плоды его деятельности имеют значение. Когда Норман О. Браун сказал, что запад-
ное общество со времен Ньютона, неважно насколько оно научное или светское, все еще остается таким же «религиоз-
ным» как любое другое, он имел в виду следующее: «циви-
лизованное» общество – это обнадеживающая вера в то, что
благодаря науке, деньгам и товарам человек имеет большее
значение, чем любое другое животное. В этом смысле все,
что делает человек, становится религиозным и героическим,
но все же подвергается опасности оказаться вымышленным
и ошибочным.

Вопрос, который после этого становится наиболее важ-
ным из всех, что человек может задать сам себе, таков: на-
сколько он осознает то, что делает ради достижения чувства
героизма? Я полагаю, что, если бы каждый честно признал
свое стремление быть героем, это стало бы сногсшибатель-
ным раскрытием истины. Это бы заставило людей требовать
от культуры отдать им должное – базовое ощущение ценно-
сти человека как уникального вклада в космическую жизнь.
Могут ли современные общества удовлетворить столь чест-
ное требование, и при этом не быть потрясенными до са-
мых основ? Только общества, которые мы сегодня называем

«первобытными», давали такое чувство своим членам. В современном индустриальном обществе представители национальных меньшинств, кричащие о свободе и человеческом достоинстве, на самом деле неуклюже просят о том, чтобы им дали чувство первичного героизма, которого исторически они были лишены. Вот почему их настойчивые требования расстраивают и доставляют такую массу неприятностей: как мы можем сделать такую «необоснованную» вещь в русле развития современного общества? «Они просят невозможного» – так мы обычно объясняем наши трудности.

Но не каждый может легко признать истину о потребности в героизме. Даже те, кто хочет, чтобы их требования были услышаны. В этом и загвоздка. Как мы увидим в дальнейшем обсуждении, жизненно важная проблема самоанализа заключается в том, чтобы понять, что ты делаешь для достижения ощущения героизма. Это самое болезненное и отрезвляющее, что открыл психоаналитический и религиозный гений в человеке, столкнувшись с ужасом признания тех или иных действий, направленных на достижение самоуважения. Вот почему человеческий героизм – это слепая одержимость, приводящая людей в ярость. Для вспыльчивых людей вопли о славе – это так же некритично и инстинктивно, как лай для собаки. В более пассивных массах заурядных людей то, как покорно и жалобно они следуют моделям поведения, в которых общество предлагает им возможность геройства и развития внутри системы, скрыто от глаз. Лю-

ди носят стандартную униформу, тем не менее позволяя себе выделиться из толпы, но всегда очень тихо и осторожно, привязав маленькую ленточку или надев бутоньерку, однако ни в коем случае не встав во весь рост, чтобы заявить о себе.

Захоти мы избавиться от этого глобального обмана, от подавления человеческих попыток заработать себе славу, мы бы пришли к потенциально самому освобождающему вопросу, основной проблеме человеческой жизни: насколько эмпирически достоверна культурная система героизма, поддерживающая и направляющая людей? Мы упомянули худшую сторону человеческого стремления к вселенскому героизму, но есть и положительная сторона. Человек отдаст жизнь за свою страну, общество, своих друзей. Он накроет своим телом гранату, чтобы спасти друзей; он способен на величайшее благородство и самопожертвование. Но ему приходится чувствовать и верить, что то, что он делает, действительно доблестно, неподвластно времени и глубоко содержательно. Кризис современного общества абсолютно точно заключается в том, что молодежь больше не чувствует героизма в действиях, предписанных существующей культурой. Они не верят в то, что это эмпирически касается проблем их жизней и настоящего времени. Мы живем в период кризиса героизма, который затрагивает каждый аспект нашей социальной жизни: исчезает университетский героизм, героизм бизнеса и карьеры, героизм в области политики. Растет популярности антигероев, тех, кто был бы ге-

роическим по-своему, или как Чарльз Мэнсон¹⁴ и его особенная «семья», тех, чей измученный героизм набрасывается на систему, которая сама по себе этот героизм уже перестала представлять. Величайшая дилемма нашего времени, буря нашего века, заключается в том, что молодежь ощутила – к лучшему или к худшему – величайшую социально-историческую истину: как в несправедливых войнах существуют бесполезные самопожертвования, так и у целых сообществ бывает подлый героизм. Это может быть агрессивный разрушительный героизм гитлеровской Германии или обычный пошлый и глупый героизм демонстративного потребления, накопления денег и получения привилегий, что ныне характеризует все образы жизни – от капиталистического до советского.

И кризис общества, конечно же, является и кризисом институционально оформленной религии: в качестве системы героев она больше не имеет силы, и поэтому молодежь относится к ней с презрением. Если традиционная культура дискредитировала себя как героическая, то церковь, поддерживающая эту культуру, автоматически дискредитирует себя. С другой стороны, если церковь будет настаивать на своем собственном отличном от других героизме, то может выясниться, что она в грубой форме противостоит культуре и за-

¹⁴ *Мэнсон, Чарльз* (1934–2017) – американский преступник, возглавлявший в конце 1960-х годов секту, называвшую себя «семьей», члены которой совершили ряд жестоких убийств.

ставляет молодежь быть антигероями для общества, в котором они живут. В этом заключается дилемма религии нашего времени.

Заключение

В этом коротком вступлении я пытался взглянуть на проблему героизма как центральную в жизни человека и сказать, что она уходит глубже в человеческую природу, чем любая другая, потому что основана на физиологическом нарциссизме и потребности ребенка в самоуважении как базовом условии его жизни. Общество само по себе есть зашифрованная героическая система, а это значит, что оно – вымышленная идея знаковости человеческой жизни, дерзкое порождение смысла. Таким образом, любое общество есть «религия», и неважно, считает оно так или нет: «религия» СССР и «религия» Мао так же реальны, как и научная «религия» или «религия потребления». Не имеет значения, насколько они пытаются замаскировать свою «религиозность», исключая духовные и религиозные идеи из повседневной жизни. Как мы увидим в дальнейшем, Отто Ранк первым показал религиозную природу всего, созданного человеческой культурой, с психологической стороны. В дальнейшем эта идея проявилась в работах Нормана О. Брауна «Жизнь против смерти» и Роберта Джея Лифтона¹⁵ «Революционное бессмертие». Если мы принимаем эти предложения, то

¹⁵ *Лифтон, Роберт Джей* (р. 1926) – американский психиатр и писатель, известный прежде всего своими исследованиями психологических причин и последствий войн и политического насилия.

должны признать, что имеем дело с универсальной человеческой проблемой; и мы должны быть готовы исследовать ее настолько честно насколько это возможно, чтобы быть настолько потрясенными самораскрытием человека, насколько позволят лучшие мыслители. Давайте подхватим эту идею у Кьеркегора и проследим ее через работы Фрейда, чтобы посмотреть, к чему приведет ее развитие за последние 150 лет. Если проникающая честность нескольких книг может мгновенно изменить мир, тогда пять только что упомянутых авторов потрясут ныне живущие нации до самых их основ. Но поскольку все продолжают думать, что жизненной правды о человеке еще не существует, необходимо добавить кое-что на чашу весов человеческого разоблачения. В течение двух с половиной тысяч лет мы надеялись и верили, что если бы человечество могло открыться самому себе, могло бы широко познать собственные заветные мотивы, то каким-то образом оно изменило бы баланс вещей в свою пользу.

Часть I

Глубинная психология героизма

*Я пью вино не из веселья и презрения к вере —
а лишь затем, чтоб на мгновение забыться,
Лишь этого хочу от опьянения, ни капли больше.*

Омар Хайям

Глава 2

Ужас смерти

Не должны ли мы признаться, что в своем цивилизованном отношении к смерти мы психологически живем не по средствам и должны измениться и отдать истине должное? Не будет ли лучше дать смерти место в реальности и наших мыслях, которое ему на самом деле принадлежит, и воздать немного больше тому бессознательному отношению к смерти, от которого мы так заботливо пытаемся избавиться? Это вряд ли можно считать большим достижением, скорее шагом назад... Но есть и некоторая заслуга в том, что для реального понимания вещей мы теперь

Первое, что мы должны сделать, это показать обратную сторону героизма, то, что обуславливает его особенную природу и движущую силу. Мы представляем одно из величайших повторных открытий современной мысли: среди всех вещей, управляющих человеком, его страх смерти – одна из наиболее важных. После Дарвина проблема эволюционной обусловленности смерти стала очевидна, и большинство мыслителей сразу же заявили, что это важнейшая психологическая проблема человека¹

². Они также очень быстро поняли, что значит настоящий героизм, как на рубеже веков написал Шалер¹⁶: «Героизм – это первая и основная реакция на страх смерти». Мы восхищаемся смелостью встретить смерть лицом к лицу; такая доблесть получает наше высочайшее и постоянное обожание. Она заставляет нас глубже заглянуть в свое сердце, потому что у каждого из нас есть сомнения в том, насколько храбрыми мы могли бы быть. Когда мы видим человека, храбро встречающего свой конец, мы репетируем величайшую победу, которую только можем представить. Так, с самого начала человеческой эволюции, герой стал центром

¹⁶ *Шалер, Натаниэль Саутгейт* (1841–1906) – американский палеонтолог и геолог, который много писал о теологических и научных последствиях теории эволюции.

уважения и одобрения. Но и до этого наши предки приматы полагались на тех, кто сильнее и храбрее, и игнорировали трусливых. Человек возвел животную храбрость в культ.

В девятнадцатом веке также начались антропологические и исторические исследования, поставившие себе целью сформировать образ героя первобытных и древних времен. Герой был тем, кто может войти в мир духов, мир мертвых, и вернуться оттуда живым. У него были последователи в мистических культах восточного Средиземноморья, во главу угла ставившие смерть и воскрешение. Божественным героем каждого из этих культов был тот, кто вернулся из царства мертвых. И как мы знаем теперь из исследований древних мифов и ритуалов, соперником этих мистических культов стало само христианство – и оно выиграло, кроме прочего, еще и потому, что превозносило вернувшегося из мертвых целителя со сверхъестественными силами. Пасхальное ликование «Христос воскрес!» – это эхо того же радостного крика, которым последователи мистических культов приветствовали на своих церемониях победу над смертью. Эти культы, как точно заметил Г. Стенли Холл¹⁷, были попыткой добиться «очистительной купели» от великого зла: смерти и страха перед ней. Все исторические религии обращались к той же проблеме – как вынести конец жизни. Религии, по-

¹⁷ Холл, Гренвилл Стэнли (1844–1924) – пионер американской психологии и педагог. Его интересы были сосредоточены на развитии человека в течение жизни и эволюционной теории.

добные индуизму и буддизму поступили изобретательно, исключив стремление к перерождению, что стало своего рода магией отрицания: утверждать, что не хочешь того, чего на самом деле хочешь больше всего на свете^{4 5}. Когда на смену религии пришла философия, она сменила и центральную проблему, а смерть стала «ее настоящей музой», начиная с Греции, потом перейдя в труды Хайдеггера и затем к современному экзистенциализму⁶.

У нас уже есть тома работ и размышлений на эту тему из области религии и философии и – начиная с Дарвина – самой науки. Проблема в том, как во всем этом разобраться. Исследований и мнений о страхе смерти уже так много, что нельзя просто обобщить и кратко изложить их. В последние десятилетия возрождение интереса к смерти привело к возникновению огромного количества литературы по этой теме, и авторы этих книг смотрят совсем не в одном направлении.

Довод «здравого разума»

Есть «здравомыслящие» люди, придерживающиеся точки зрения о том, что страх смерти не естественен для человека, и мы не рождаемся с ним. Возросшее количество глубоких исследований того, как реальный страх смерти развивается у ребенка⁷, показывает, что до возраста трех-пяти лет у детей нет знания о смерти. Да и откуда бы? Эта идея слишком абстрактна и слишком отдалена от их опыта. Ребенок живет в

мире, полном движения, взаимодействия с вещами, которые его удивляют и питают. Он не знает, как жизнь может навсегда исчезнуть, и не может теоретизировать о том, куда он после этого уйдет. Лишь постепенно он начинает понимать, что есть нечто, именуемое смертью, и забирающее людей навсегда. Очень неохотно он признает, что рано или поздно смерть забирает всех, но постепенное осознание неотвратимости смерти приходит не раньше возраста девяти-десяти лет.

Но даже если ребенок не обладает пониманием такой абстрактной идеи, как абсолютное отрицание, у него все же должны быть свои тревоги. Он полностью зависит от матери, чувствуя одиночество, когда она отсутствует, расстройство, когда его лишают удовольствия, раздражение во время голода и так далее. Если ребенка предоставить самому себе, то его мир рухнет, и даже организм на каком-то уровне это почувствует. Мы называем это «страх потери объекта любви». Неужели тогда эта тревога – не что иное, как естественный животный страх уничтожения? Опять же, многие смотрят на это в очень относительной манере. Они считают, что если мать сделала все от нее зависящее, сохраняя интерес и ответственность по отношению к ребенку, то его тревоги и переживания будут появляться умеренно, и он сможет постепенно взять их под контроль своей развивающейся личности⁸. Ребенок, имеющий хороший опыт взаимодействия с матерью, разовьет базовое чувство безопасности и не

станет зависеть от страха потери поддержки, уничтожения и тому подобного⁹. Когда он дорастет до возраста девяти-десяти лет и станет понимать смерть рационально, он примет ее как часть своего мировоззрения, но мысль о ней не отравит его самоуверенное отношение к жизни. Психиатр Рейнгольд¹⁸ категорично заявляет, что страх уничтожения не является частью детской природы, а порождается в ребенке из-за плохого опыта взаимодействия с постоянно отсутствующей матерью. Эта теория возлагает всю ответственность за страхи на воспитание ребенка, а не на его природу. Другой психиатр, более спокойно, замечает, что страх смерти у ребенка значительно усиливается из-за его взаимоотношений с родителями: из-за их резкого отрицания его жизненных импульсов и, что более важно, из-за противопоставления общества человеческой свободе и самораспространению¹⁰¹¹.

Как мы позже увидим, этот взгляд сегодня очень популярен, особенно в рамках широко распространенного движения за жизнь без подавления, стремления к новой свободе естественных биологических потребностей, принятия своего тела, отказ от стыда, вины и ненависти к себе. С этой точки зрения, страх смерти – это нечто, что создается обществом и используется против человека для удержания его в подчинении. Психиатр Молони говорил о страхе смерти, как о «куль-

¹⁸ *Рейнгольд, Джозеф* (1903–1978) – американский психиатр и автор книг «Страх быть женщиной» (1964) и «Мать, тревога и смерть» (1967), каждая из которых основана на теории материнской деструктивности.

турном механизме», а Маркузе¹⁹ – как об идеологии. Норман О. Браун в чрезвычайно важной книге, которую мы обсудим чуть позже, так углубился в этот вопрос, что заявил о возможности рождения и развития ребенка во «второй невинности», которая будет свободна от страха смерти, потому что не будет отрицать естественную жизненность. Это позволит ребенку быть полностью открытым своему физическому существованию¹²¹³.

Несложно заметить, что, с этой точки зрения, те, у кого было негативный детский опыт, будут наиболее болезненно сконцентрированы на страхе смерти. И если вдруг они станут философами, то, осмыслив свои страхи, сформулируют центральную идею своего учения – как это сделал Шопенгауэр, который одновременно ненавидел мать и называл смерть «музой философии». Если у вас «мрачный» характер или вы имеете трагический опыт, тогда вам суждено быть пессимистом. Один психолог в разговоре со мной заметил, что вся идея страха смерти была заимствована экзистенциалистами и протестантскими богословами, судьбы которых были полноманы историческими событиями в Европе, или несли на себе груз кальвинистского и лютеранского жизнеотрицания. Да-

¹⁹ *Маркузе, Герберт* (1898–1979) – немецко-американский философ, социолог и политический теоретик, принадлежавший к Франкфуртской школе критической теории. В своих работах он критиковал капитализм, современные технологии, советский коммунизм и популярную культуру, утверждая, что они представляют собой новые формы социального контроля.

же заслуженный психолог Гарднер Мерфи²⁰, кажется, склонялся к этой школе мысли и призывал нас изучать человека, который проявляет страх смерти и ставит тревогу в центр своих мыслей. Мерфи задается вопросом, почему жизнь в любви и радости не рассматривается как реальная и основополагающая.

Довод «патологического разума»

«Здравомыслящий» довод, который мы только что обсудили, это лишь одна сторона обобщенных исследований по проблеме страха смерти. Но есть и другая сторона. Многие согласились бы с этими замечаниями о раннем опыте и признали бы, что он может усилить как естественные страхи, так и приобретенные позднее. Но эти же люди будут утверждать тем не менее, что страх смерти все же естественен, и он присутствует у каждого. Это самый базовый и глубокий страх из всех; от него никто не застрахован, и не важно, насколько тщательно он сокрыт. В самом начале в рамках этого учения выступал Уильям Джеймс, и с присущей ему любовью к ярким сравнениям называл смерть «червем в сердцевине» человеческих притязаний на счастье. Макс Шелер²¹, не мень-

²⁰ *Мерфи, Гарднер* (1895–1979) – американский психолог, специализировавшийся в области социальной психологии и психологии личности, а также парапсихологии.

²¹ *Шелер, Макс* (1874–1928) – немецкий философ и социолог, один из основоположников философской антропологии.

ший знаток человеческой природы, считал, что у всех людей на каком-то интуитивном уровне должен быть этот «червь в сердцевине», признают они это или нет. Множество других именитых ученых – некоторых из них мы упомянем в дальнейшем на страницах этой книги, – также относится к этой школе. Среди них есть и мыслители, поддерживающие теорию Фрейда, причем большинство из них входило в круг его ближайших друзей, и серьезные ученые, не являющиеся психоаналитиками. Какова же наша роль в этом споре между двумя лагерями, каждый из которых представлен своими выдающимися авторитетами? Жак Шорон²², например, вообще заявил, что неизвестно, сможем ли мы когда-нибудь точно сказать, является или нет страх смерти врожденной тревожностью. Смысл в том, что наибольшее, на что мы способны, это выбрать сторону в споре, составить свое мнение и представить аргументы, основываясь на тех авторитетах, которые кажутся нам наиболее значимыми.

Откровенно говоря, я принимаю сторону второй школы. Вообще, вся эта книга представляет собой систему утверждений, основанную на универсальности страха смерти, или – как я предпочитаю его называть – «ужаса смерти», демонстрируя то, насколько он всепоглощающий, когда мы сталкиваемся с ним лицом к лицу. Первый документ, который я хочу вам показать и подробно на нем остановиться, это ста-

²² Шорон, Жак (1904–1972) – американский философ и писатель, изучавший смерть и саморазрушительные явления.

тъя, написанная известным психоаналитиком Грегори Зилбургом²³. Несмотря на то что его очень глубокое эссе было опубликовано несколько десятилетий назад, оно столь лаконично и при этом охватывает такой широкий круг проблем, что после него было написано мало что столь же исчерпывающего по теме. Зилбург утверждает, что большинство людей считают, будто бы страх смерти отсутствует, потому что он редко показывает свое истинное лицо. Но в то же время страх смерти присутствует повсеместно:

За чувством незащищенности перед лицом опасности, за чувством обескураженности и депрессии всегда скрывается базовый страх смерти. Страх, который разрабатывается очень долго и старательно, после чего проявляет себя множеством различных способов... Никто не свободен от страха смерти... Тревожные неврозы, различные фобии, даже значительное количество депрессивных, склонных к суициду людей, а также больные шизофренией в полной мере демонстрируют перманентный страх смерти, который оказывается тесно переплетенным с конфликтами того или иного психопатологического состояния... Мы можем принять как аксиому тот факт, что страх смерти всегда присутствует в работе нашего

²³ *Зилбург, Грегори* (1891–1959) – американский психоаналитик и историк психиатрии русского происхождения. Рассматривал психиатрию в широком социологическом и гуманистическом контексте. Получил известность благодаря исследованиям послеродовых психозов, проблем криминологии, самоубийства и «амбулаторной шизофрении».

Разве Джеймс раньше не говорил о том же, но другими словами?

Пусть оптимистичное здравомыслие делает все возможное с его странной способностью жить моментом, игнорировать и забывать. Но зло всегда рядом, и череп ухмыльнется во время пира²⁰.

Различие между двумя этими утверждениям не столько в образности и стилистике, сколько в том факте, что Зилбург работал почти на полвека позднее и больше основывался на клинической практике, а не только на философских спекуляциях или личной интуиции. Но в то же время он продолжил курс, проложенный Джеймсом и постдарвинистами, смотревшими на страх смерти как на биологическую и эволюционную проблему. Думаю, аргументы Зилбурга хорошо обоснованы, и особенно мне нравится то, как он строит рассуждение. Он отмечает, что страх смерти является выражением инстинкта самосохранения, который является движущей силой жизни и средством защиты от опасностей:

Этот постоянный расход психологической энергии на поддержание жизни был бы невозможен, если бы страх смерти не был таким же постоянным. Сам термин «самосохранение» предполагает приложение усилий против разрушительных сил; а эмоциональный аспект этого – страх, страх смерти²¹.

Другими словами, за всей нашей повседневной деятельностью должен стоять страх смерти, чтобы давать организму силы для самосохранения. Но страх смерти не может постоянно присутствовать в сознании, иначе организм не смог бы функционировать. Зилбург продолжает:

Если бы этот страх постоянно был сознательным, мы бы не смогли нормально функционировать. Он должен соответствующим образом подавляться, чтобы позволить нам жить хотя бы с небольшой толикой комфорта. Нам хорошо известно, что «подавить» означает не просто отставить в сторону и забыть, а отставить в сторону и запомнить, где мы это оставили. А еще совершать постоянные психологические усилия по поддержанию контроля и никогда не ослаблять бдительность²².

Итак, мы можем понять то, что кажется абсолютно невозможным парадоксом: перманентный страх смерти при нормальном функционировании нашего инстинкта самосохранения, а также наше полное отрицание этого страха в сознательной жизни.

Таким образом, мы на самом деле идем по жизни, не веря в собственную смерть, как будто у нас не вызывает сомнений собственное физическое бессмертие. Мы стремимся овладеть смертью... Человек, конечно же, скажет, он знает, что однажды умрет, но он не очень об этом беспокоится. Он отлично проводит время и не собирается волноваться о смерти – но это чисто

рационализированное признание на словах. Влияние же страха, на самом деле, подавляется²³.

Аргумент с позиций биологии и эволюции является основополагающим и должен быть принят со всей серьезностью. Не знаю, как вообще в этой дискуссии его можно обойти стороной. Животные, чтобы выжить, должны полагаться на реакции, вызванные страхом не только по отношению к другим животным, но и по отношению к самой природе. Они должны были видеть реальное отношение своих ограниченных сил к опасному миру, в котором оказались. Реальность и страх естественным образом идут рука об руку. Человеческий ребенок находится в еще более уязвимом и беспомощном положении, и глупо полагать, что реакции, вызванные страхом и у животных, неожиданно исчезнут. Особенно у таких высоко организованных видов как человек. Логично думать, что вместо этого страх, наоборот, усилился, о чем и говорили раньше сторонники дарвинизма: первобытные люди, наиболее подверженные страху, с большим реализмом относились и к своему месту в природе, передав своим потомкам его ценность для дальнейшего выживания²⁴. Результатом стало возникновение человека, каким мы его знаем: гипертревожным животным, постоянно изобретающим причины для страха, даже когда их нет.

Аргумент с позиции психоанализа менее умозрительный и должны быть воспринят еще более серьезно. Они говорят о внутреннем мире ребенка то, о чем мы никогда не подо-

зревали: чем больше он заполнен ужасом, тем больше ребенок отличается от других животных. Можно сказать, что этот страх заложен в низших животных их инстинктами. Те животные, у которых нет инстинктов, не имеют и внутренних страхов. Страхи человека складываются из того, как он воспринимает мир. Что же уникального в восприятии мира ребенком? С одной стороны, крайняя путаница в причинно-следственных связях, а с другой – крайняя нереалистичность понимания пределов собственных возможностей. Ребенок живет в ситуации абсолютной зависимости, и когда его потребности удовлетворяются, ему кажется, что он обладает магической силой, настоящим всемогуществом. Если он испытывает боль, голод или дискомфорт, то все, что ему нужно сделать, это закричать, чтобы его нежно убаюкали приятными звуками. Он настоящий волшебник и телепат, которому стоит лишь что-то пробормотать или представить, и мир тут же поворачивается по его желанию.

Но теперь поговорим об отрицательных моментах такого восприятия. В волшебном мире, где одни вещи заставляют происходить другие вещи просто одной мыслью или недовольным взглядом, с кем угодно может случиться все что угодно. Когда ребенок сталкивается с неизбежным и реальным неудовлетворением своими родителями, он направляет на них всю свою ненависть и деструктивные эмоции. И он не имеет представления о том, что это чувство злобы не может быть магическим образом воплощено, подобно его осталь-

ным желаниям. Психологи считают, что эта путаница является основной причиной комплекса вины и беспомощности ребенка. В одном очень хорошем эссе Чарльз Валь резюмирует этот парадокс:

...процесс социализации для всех детей проходит болезненно и часто создает неверие в собственные силы, так что ни один ребенок не удержится от того, чтобы желать смерти тем, кто готовит его к жизни. Таким образом, никто не сможет избежать страха личной смерти в прямом или переносном смысле. Подавление страха обычно... мгновенно и эффективно...²⁵

Ребенок слишком слаб, чтобы нести ответственность за все свои деструктивные эмоции, и он не может контролировать магическое воплощение своих желаний. Мы называем это незрелым эго: у ребенка еще нет развитой способности организации своего восприятия и отношений с окружающим миром. Он не может контролировать свои действия, и у него нет контроля над действиями окружающих. Таким образом, у него нет реального контроля над магическими причинно-следственными связями, которые он ощущает как внутри себя, так и в окружающей природе и других людях. Его разрушительные желания могут привести к взрыву, как бы его родители ни хотели обратного. Силы природы смешаны, внешне и внутренне; и для слабого эго этот факт создает преувеличенную потенциальную силу и дополнитель-

ный ужас. В результате ребенок – по крайней мере некоторое время – живет с внутренним ощущением хаоса, к которому другие животные невосприимчивы²⁶.

Как ни парадоксально, но даже когда ребенок уясняет для себя причинно-следственные связи, те становятся для него тяжким грузом, поскольку он чрезмерно их обобщает. Одно из таких обобщений психоаналитики называют «принципом талиона», или «принципом возмездия»²⁴. Ребенок давит насекомых, смотрит, как кот ловит мышь, вместе с семьей ест приготовленного на ужин домашнего кролика и так далее. Он приходит к пониманию основных взаимосвязей в мире, но не может осознать ценность какой-либо из них: родители могут его съесть, и он исчезнет. Или он может то же самое сделать с ними. Когда отец с огнем в глазах собирается убить крысу, то наблюдающий за этим ребенок может ожидать, что так же убьют и его – особенно если у него в голове уже были плохие мысли о «волшебстве».

Я не хочу создавать точную картину пока еще непонятных нам процессов или утверждать, что все дети живут в одинаковом мире и имеют одни и те же проблемы. И я также не хочу изобразить детский мир страшнее, чем он есть на самом деле большую часть времени. Но я думаю, что важно указать на болезненные противоречия. Пусть хотя бы иногда, но

²⁴ *Принцип талиона* – принцип равного (симметричного) возмездия. Наказание должно соответствовать вреду, причиненному вследствие совершения преступления («око за око, зуб за зуб»).

они в нем есть, и нужно показать, насколько прекрасен мир в первые несколько лет жизни ребенка. Возможно, в этом случае мы сможем лучше понять, почему Зилбург говорит, что страх смерти «скрывается в более сложных вещах и проявляет себя множеством непрямых способов». Или, как точно заметил Валь, смерть – это сложный символ, ни одна из частей которого для ребенка не ясна:

...представление о смерти для ребенка – не простая вещь, а сложное понятие из взаимопротиворечащих парадоксов... Сама по себе смерть – это не утверждение, а комплексный символ, определение которого варьируется от человека к человеку и от культуры к культуре.

Также мы можем понять, почему детям снятся повторяющиеся кошмары, и почему многие боятся насекомых и злых собак. В их измученном внутреннем мире пульсируют сложные символы невозможных реальностей: ужас окружающего мира, ужас перед собственными желаниями, страх родительского возмездия, исчезновения вещей, отсутствие реального хоть над чем-нибудь. Ни одно животное такого не выдержит, но у ребенка нет выбора. Поэтому он с криком просыпается каждый раз, пока его слабое эго занято сопоставлением окружающих вещей.

«Исчезновение» страха смерти

И все же, ночных кошмаров становится все больше, и некоторые из детей более к ним предрасположены. Так что мы возвращаемся к началу нашего обсуждения, к тем, кто не верит, что страх смерти естественен и считает его невротическим преувеличением, проистекающим из ранее приобретенного опыта. А иначе, скажут они, как еще объяснить, что так много людей – подавляющее большинство – смогли справиться со шквалом ночных кошмаров и начать жить более-менее оптимистичной жизнью, не беспокоясь о смерти? Как говорил Монтень, крестьянин глубоко равнодушен и терпелив по отношению к смерти и всему зловещему в жизни; а если мы скажем, что это из-за его глупости, тогда «давайте все учиться у глупости»²⁷²⁸. Сейчас, когда мы знаем больше, чем было известно Монтеню, мы можем сказать «давайте учиться у подавления», но смысл будет тот же: подавление позволяет разобраться со сложным символом смерти.

Но исчезновение страха не означает, что его никогда не было. Утверждение тех, кто верит во врожденный страх смерти, основывается на том, что мы знаем, насколько эффективно его подавление. Это доказательство, вероятно, не может быть однозначно чистым: если вы утверждаете, что понятие отсутствует, потому что оно подавлено, вы в беспроблемном положении; интеллектуально это нечестно, пото-

му что у вас всегда есть козырь. Такая аргументация делает психоанализ ненаучным для многих людей – его сторонники всегда могут утверждать, что кто-то отрицает их концепцию, потому что подавляет свое осознание ее истинности.

Но подавление – это не магическое заклинание для победы в споре, а реальное явление, и мы должны будем разобраться с его многочисленными проявлениями. Это исследование придает понятию подавления легитимность как научной концепции и делает ее более или менее надежным союзником в нашей аргументации. Начнем с того, что появляется все больше исследований, пытающихся приблизиться к осознанию смерти, которая была вытеснена из сознания. Эти работы используют такие методики, как измерение кожно-гальванического рефлекса. Результаты дают веские основания полагать, что каким бы умиротворенным ни был внешний вид человека, под ним скрывается всегда присутствующее беспокойство, так называемый червь в сердцеvine²⁹.

Кроме того, ничто так не ослабляет подавление, как потрясения в реальном мире. Недавно психиатры отметили рост количества детских неврозов, вызванных тревогой из-за подземных толчков в Южной Калифорнии. Для этих детей с их еще не совершенными системами отрицания неожиданное открытие того, что в жизни присутствует опасность катаклизмов, было чрезмерным. Как следствие, новый всплеск тревожности. У взрослых этот страх перед лицом

надвигающейся катастрофы проявляется в форме паники. Недавно некоторые люди получили переломы конечностей и другие травмы после того, как во время взлета открывали аварийный выход и прыгали на землю, испугавшись резкого звука выхлопа двигателей. Очевидно, для человеческого существа за этим безобидным шумом кроется что-то еще.

Но еще более важно то, как подавление работает: это не просто сила, противодействующая жизненной энергии. Наоборот, подавление живет за ее счет и креативно использует ее. Я имею в виду, что страхи поглощаются растущими стремлениями организма. Кажется, что природа снабдила живых существ врожденным здравомыслием, выразив его в самодовольстве, в наслаждении от раскрытия своих способностей миру, в оставлении заметного следа в нем и переосмыслении его безграничного опыта. Существует множество позитивных переживаний, испытывая которые организм получает удовлетворение. Как однажды заметил Сантаяна²⁵: «лев должен быть увереннее в себе оттого, что Бог на его стороне, а не на стороне газели». На самом начальном уровне организм активно работает над тем, чтобы найти способы раскрыться и увековечить свое имя в жизненном опыте. Вместо того чтобы съежиться, он движется к большей жизненной энергии. К тому же он делает одну вещь зараз,

²⁵ *Сантаяна, Джордж* (1863–1952) – американский философ и писатель испанского происхождения, сторонник критического реализма. Признавая объективное существование материального мира, считал доступным познанию лишь феномены сознания.

избегая ненужных отвлечений от всепоглощающей деятельности. Таким образом, получается, что страх смерти может полностью игнорироваться или поглощаться с помощью расширяющих жизнь процессов. Иногда нам кажется, что мы видим такой живой организм на человеческом уровне. Говоря это, я думаю об образе Грека Зорбы, описанного Никосом Казандзакисом в одноименной книге. Зорба был идеалом равнодушия к победе всепоглощающей ежедневной страсти над трусостью и смертью, и он очистил других своим вдохновляющим огнем. Но ни сам Казандзакис, ни большинство других людей не были Зорбой – отчасти поэтому персонаж кажется слегка надуманным. Тем не менее у всех есть рабочее количество базового нарциссизма, даже если оно поменьше, чем у льва. Ребенок, если его любили, холили и лелеяли, развивает, как мы уже говорили, чувство магического всемогущества, собственной нерушимости, доказанной силы и гарантированной поддержки. Глубоко внутри он может представить себя вечным. Мы можем сказать, что ребенку подавление идеи о собственной смерти дается очень просто, потому что он защищен от нее энергией нарциссизма. Такой тип характера, по-видимому, и позволил Фрейд у утверждать, что бессознательное не знает смерти. В любом случае мы знаем, что базовый нарциссизм усиливается, когда чьи-либо детские переживания были прочно связаны с заботой родителей и развивали чувство «самости», ощущения того, что человек действительно особенный, настоящий «но-

мер один» в этом мире. В результате у многих людей появляется то, что психоаналитик Леон Саул очень точно назвал «внутреннем стержнем». Это уверенность в себе перед лицом испытания, которая способна провести человека через жизненные кризисы и резкие изменения личности. К тому же она, по-видимому, занимает место основных инстинктов низших животных. Тут снова нельзя не вспомнить о Фрейде, у которого внутренней устойчивости было больше, чем у большинства людей – спасибо его матери и окружению в раннем детстве. Он знал, какую уверенность в себе и храбрость это дает человеку; да и сам он смотрел в лицо жизни и смертельному заболеванию раком со стоическим героизмом. Опять же, у нас есть свидетельство того, что сложный символ страха смерти будет очень изменчив по своей интенсивности; она будет, как заключил Валь, «значительно зависеть от природы и превратностей процесса развития»³⁰³¹.

Но не стоит придавать слишком большого значения естественной жизненной силе и внутренней устойчивости. Как мы увидим в шестой главе, даже любимый многими Фрейд всю жизнь страдал от фобий и от страха смерти, и он пришел к полному восприятию мира в аспекте естественного ужаса. Я не верю, что страх смерти может отсутствовать, независимо от того, сколько жизненной силы и какой внутренней стержень у человека. Более того, если мы скажем, что эти силы делают подавление простым занятием, это будет лишь половина правды. На самом деле, они активизируются

именно благодаря подавлению. Психиатры утверждают, что страх смерти различается по интенсивности в зависимости от процесса развития, и я думаю, что одной из важных причин этой изменчивости является то, что страх изменяется по мере развития человека. Если ребенок получил хорошее воспитание, то это всего лишь значит, что у него есть все возможности, чтобы скрывать страх смерти. В конце концов, вытеснение из сознания и подавление становятся возможными благодаря естественному соотношению ребенком своего существования с силами его родителей. Если о нем заботились, идентификация проходит легко и надежно, после чего победа над смертью его родителей автоматически становится его победой. Что может быть более естественным для изгнания страхов, чем заимствование жизненной энергии тех, у кого ее много? И что определяет весь период роста, если не передача своего жизненного проекта другому? Об этом я буду говорить на протяжении всей книги и не хочу углубляться в них во вступительной главе. Вот что мы видим, если человек создает собственный управляемый мир: он действует бездумно и некритично. Он принимает культурное программирование и смотрит в ту сторону, куда нужно, чтобы он смотрел. Он не поглотит мир одним куском, как если бы был великаном, а подобно бобру будет есть его по кусочкам. Он пользуется всеми видами техник, которые мы называем «личностная броня»: он учится выражать себя, но при этом не выделяться; встраивать себя в «другую силу», одновре-

менно в конкретных людей и вещи и в то же время в культурные команды. Результатом становится то, что человек начинает существовать в вымышленной непогрешимости окружающего мира. Ему не нужно испытывать страхи, когда его ноги крепко увязли в реальности и жизнь идет по заранее созданному лабиринту. Все, что нужно – это погрузиться в навязанную ведомость «мировым образом жизни», которую осваивает ребенок, и в которой после этого продолжает жить, сохраняя что-то вроде мрачного спокойствия – «странной силы жить здесь и сейчас, игнорируя и забывая происходящее и произошедшее», – как выразился Джеймс. В этом и кроется глубокая причина того, что крестьянин Монтень не беспокоится до самого конца жизни, когда Ангел Смерти, всегда сидевший на его плече, расправляет крылья. Или как минимум до тех пор, пока его раньше времени не постигнет немое осознание, как «Мужей» в хорошем одноименном фильме Джона Кассаветиса. В такие моменты, когда приходит осознание того, что всегда было затуманено лихорадкой повседневной жизни, мы видим, как подавление преобразуется в страх смерти в чистом виде. Вот почему, когда подавление перестает работать и импульс активности пропадает, у людей случаются психологические срывы. Кроме того, сознание крестьянина гораздо менее романтично, чем пытался заставить думать нас Монтень. Крестьянское хладнокровие обычно погружено в жизнь, где присутствуют элементы настоящего безумия, и, таким образом, защищает своего носи-

теля. Скрытая склонность к постоянной ярости и ожесточенности, выражается в наследственных распрях, агрессивном поведении, перебранках и семейных ссорах, обывательском сознании, самоуничижении, суеверии, навязчивом контроле повседневной жизни строгим авторитаризмом и так далее. Как говорится в заголовке недавнего эссе Джозефа Лопреато²⁶: «Как бы вам понравилось быть крестьянином?».

Мы также коснемся другого измерения, в котором сложный символ смерти преобразуется и преодолевается человеком – это вера в бессмертие, продолжение жизни какого-либо существа в вечности. Прямо сейчас мы можем сделать вывод, что существует множество способов, с помощью которых подавление действует, чтобы успокоить нервное человеческое существо, так что ему вообще не нужно беспокоиться.

Думаю, мы согласовали между собой две наших противоречащих позиции касательно страха смерти. «Внешняя» и «внутренняя» точки зрения – суть две части одной картины. Они естественным образом проникают друг в друга, и все зависит от того, под каким углом посмотреть: со стороны маскировки и трансформации страха смерти или со стороны его явного отсутствия. С чувством научного беспокойства я утверждаю, что как ни посмотри, настоящий страх смерти не увидишь, и поэтому я неохотно соглашаюсь с Шороном, что

²⁶ Лопреато, Джозеф (1928–2015) – социолог, один из первых социобиологов, работавших над синтезом биологических и социокультурных дисциплин.

в этом споре, вероятно, невозможно «победить» чисто. Тем не менее появляется важное заключение: существуют различные образы человека, которые тот может создавать, а потом выбирать подходящий для себя.

С одной стороны, мы видим человеческое существо, являющееся для мира частично мертвым, и ведущее себя наиболее «достойно», когда проявляет определенную безразличность к своей судьбе, позволяя вести себя по жизни, и наиболее «свободно», когда живет в безопасной зависимости от окружающих его сил, и меньше всего владеет собой. С другой стороны, у нас есть образ человеческого существа, чрезмерно чувствительного к окружающему миру, и при этом неспособного его выключить. Этот человек брошен на милость своих жалких возможностей; он совершенно несвободен в перемещениях и действиях, не владеет собой и в совершенно лишен собственного достоинства. Какой образ выбираем для самоидентификации, в большей степени зависит от нас самих. В таком случае изучим и тщательно разберем эти образы, чтобы увидеть, что же нам откроется.

Глава 3

Пересмотр некоторых основных идей психоанализа

*От пятилетнего ребенка до меня только шаг.
А от новорожденного до пятилетнего – страшное
расстояние.
Лев Толстой*

Теперь, когда мы в первых двух главах обрисовали в общих чертах аргументацию, пришло время добавить детали. Почему для человеческого существа окружающий мир настолько ужасен? Почему для людей такая проблема найти в себе силы открыто и храбро взглянуть этому ужасу в лицо? Разговор об этом ведет нас в самое сердце психоаналитической теории и того, что сейчас является экзистенциальным перерождением психологии. Он раскрывает природу человека с действительно восхитительной ясностью и полнотой.

Экзистенциальная проблема человечества

Мы всегда знали, что в человеке есть что-то особенное, что-то, заложенное очень глубоко, характеризующее его и отличающее от других существ. Что-то проникло в самый

его центр, заставив страдать своей необычной судьбой и не иметь возможности выбраться. Когда, на протяжении веков, философы говорили о центре личности, они имели в виду его «естество», что-то, заложенное глубоко в самой природе, особое качество или сущность. Но ничего подобного найдено не было, и отличительная черта человека по-прежнему остается дилеммой. Причина, почему ее до сих пор не обнаружили, как считает Эрих Фромм, в том, что нет никакого естества – оно, на самом деле, является парадоксальной природой человека, определяющей сам факт того, что он наполовину животное, а наполовину символ. Как мы увидим в пятой главе, Кьеркегор принудительно ввел в современную психологию экзистенциальный парадокс, представив прекрасный анализ мифа об Адаме и Еве, и навсегда вложив его в сознание западного человека. В последнее время каждый психолог, проделавший жизненно важную работу, сделал этот парадокс главной проблемой своей мысли: Отто Ранк (которому я хочу впоследствии хочу посвятить отдельные главы) сделал это наиболее блестяще и своеобразно со времен Кьеркегора, Карла Юнга, Эриха Фромма, Ролло Мэйя²⁷, Эрнеста Шахтеля²⁸, Абрахама Маслоу²⁹, Гарольда Ф.

²⁷ Мэй, Ролло (1909–1994) – американский психолог и психотерапевт, теоретик экзистенциальной психологии.

²⁸ Шахтель, Эрнест (1903–1975) – американский психоаналитик, специализировавшийся на тесте Роршаха.

²⁹ Маслоу, Абрахам (1908–1970) – американский психолог, основатель гуманистической психологии. Автор «пирамиды Маслоу» – иерархического представ-

Сирлса³⁰, Нормана О. Брауна, Лауры Перлз³¹ и других.

Мы могли бы назвать этот экзистенциальный парадокс условием индивидуальности внутри ограниченного состояния. Символическая идентичность человека резко выделяет его из остальной природы. Он символически сам по себе, являясь существом с именем и жизненной историей. Он – создатель, мозг которого может рассуждать об атомах и бесконечности, а может перенести своего хозяина в точку космоса, откуда тот сможет скромно наблюдать за собственной планетой. Эта невероятная экспансия, эта искусственность, воздушность, это самосознание дает человеку, практически статус маленького бога в реальном мире, как говорили мыслители эпохи Возрождения.

Но в то же время, как говорили восточные мудрецы, человек – червь и корм для червей. В этом и есть парадокс: человек и вне природы, и безнадежно застрял внутри нее. Он двойственен, находясь одновременно и среди звезд и будучи запертым внутри задышающегося тела с трепещущим сердцем. Когда-то это тело принадлежало рыбе, и до сих пор несет на себе подтверждающие это следы жабр. Оно – материальная мясистая оболочка, чужеродная своему владельцу во многих смыслах, потому что является самым странным и

ления человеческих потребностей.

³⁰ Сирлс, Гарольд Фредерик (1918–2015) – один из пионеров психиатрии, специализировавшийся в лечении шизофрении при помощи психоанализа.

³¹ Перлз, Лаура (1905–1990) – психолог немецкого происхождения, участвовавшая в становлении гештальт-психотерапии.

наиболее отвратительным образованием, истекающим кровью, увядающим и умирающим. В буквальном смысле слова человек делится надвое: он воспринимает себя как уникальное существо, возвышаясь над окружающим миром; и в то же время уходит на несколько футов в землю, чтобы слепо и бессмысленно сгнить, исчезнуть навсегда. Это пугающая дилемма, в которой приходится существовать и с которой жить. Низшие животные, к примеру, избавлены от такого болезненного противоречия, так как у них недостаточно символической идентичности и следующего за ней самосознания. Они лишь всего-навсего двигаются рефлексивно, ведомые своими инстинктами. Если они вообще останавливаются, то это всего лишь физическая пауза; внутри они остаются безымянными, и даже у их лиц нет имен. Животные не знают, что пришла смерть, и продолжают мирно пастись, пока рядом падают их собратья. Они живут и исчезают с одной и той же опрометчивостью: несколько минут страха, пара секунд боли, и все кончено. Но жить всю жизнь, будучи обреченным на смерть даже в мечтах и в самые солнечные дни – это что-то особенное.

Только если вы позволите этому парадоксу полностью захватить ваш разум, вы сможете понять, насколько эта ситуация невозможна для животного. Я считаю, что те, кто утверждает, что полное осознание человеком своего состояния может свести его с ума, правы – абсолютно правы. Дети иногда рождаются с жабрами и хвостами, но это не афиширует-

ся, а наоборот, тщательно скрывается. Кому захочется увидеть в нас тех самых животных, которыми мы на самом деле являемся, скребущимися и задыхающимися без воздуха в недостижимой для понимания вселенной? Думаю, такие образы прекрасно иллюстрируют пугающее высказывание Паскаля: «Людям настолько необходимо быть сумасшедшими, что не быть таковым – это просто еще одна форма сумасшествия». Необходимо, потому что экзистенциальный дуализм создает невозможную ситуацию, а точнее – мучительную дилемму. Сумасшедшими, потому что, как мы увидим в дальнейшем, все, что делает человек в своем символическом мире – это попытка отрицания и преодоления его гротескной судьбы. Он буквально доводит себя до слепого забвения социальными играми, психологическими уловками, личными заботами, настолько далекими от реальности его положения, что являются формами безумия – безумия, на которое все согласились, общего безумия, замаскированного и облагороженного безумия, но все же безумия. «Черты характера» – говорит Шандор Ференци³², один из наиболее блестящих умов среди ранних психоаналитиков ближайшего круга Фрейда – «это тайные психозы». Это не самодовольное остроумие, проявленное молодым ученым, опьяненным собственной убедительностью и успехом. Это зрелое научное

³² *Ференци, Шандор* (1879–1933) – венгерский психоаналитик, один из наиболее заметных единомышленников З. Фрейда, создатель учения об интроекции – бессознательном психологическом процессе, относимом к механизмам психологической защиты.

суждение, вызванное наиболее разрушительной самоактуализацией, когда-либо проявленной человеком в попытке понять себя. Ференци мог видеть насквозь через любые маски, строгие, улыбающиеся, серьезные, удовлетворенные – все те, что люди используют, чтобы пустить пыль в глаза миру и самим себе по поводу собственных психозов. Совсем недавно Эрих Фромм задавался вопросом, почему большинство людей не сошли с ума перед лицом экзистенциального противоречия между символическим «я», которое, кажется, придает человеку бесконечную ценность во вневременной схеме вещей, и телом, которое стоит около 98 центов. Как совместить эти две стороны?

Чтобы понять весомость дуализма человеческого состояния, мы должны знать, что ребенок не в состоянии понять ни одну из его составляющих. Наиболее характерная его черта заключается в том, что он не по годам развит и не готов к жизни; над ним нависает весь мир и он сам нависает над собой. С самого начала ребенок представляет собой изысканную сенсорную систему, которая очень быстро развивается, чтобы понять все его чувства по отношению к миру с наибольшей точностью. Добавьте к этому быстрое развитие языка и самоощущения, после чего взгромоздите все на беспомощное детское тело, пытающееся правильно и безопасно понять окружающий мир. Результат нелеп. Ребенка переполняет опыт дуализма внутреннего «я» и тела с обеих сторон, поскольку он не может быть хозяином ни одной из них.

Он еще не стал уверенным социальным «я», искусно управляющим символическими категориями слов, мыслей, имен или мест – или особенно временем, этой великой для него загадкой; он даже не знает, что такое часы. И в то же время он не взрослое функционирующее животное, способное работать и производить потомство, совершать серьезные дела, подобные тем, что происходят вокруг него. В любом случае он не может «вести себя, как отец». Он будто бы чудесен в своей неопределенности. В обеих половинах своего опыта он лишен права собственности, в то время как впечатления продолжают сыпаться на него, а тело переполняют все новые ощущения. Он вынужден составить о них какое-то представление, установить с ними свое родство. Будут ли мысли управлять телом, или тело – мыслями? Все не так просто. Здесь не может быть ясно очерченной победы или четкого решения той дилеммы, в которой человек находится. Это его проблема с самого начала жизни и на всем ее протяжении, но пока он всего лишь ребенок, чтобы как-то справиться с ней. Детей преследуют символы, смысла которых они не понимают, вербальные требования, которые кажутся пустяками, а также правила и кодексы, которые зовут их оставить удовольствие, которое четко выражает их естественные энергии. И когда дети пытаются овладеть своим телом, притворяться, будто его вовсе нет, вести себя как «маленький взрослый», тело внезапно берет над ними верх, выплескивая рвоту или экскременты – и ребенок раздражается слезами от растаяв-

шего как дым ощущения себя в качестве чистого символического животного. Часто ребенок какает в штаны или продолжает мочиться в кровать, протестуя против навязывания искусственных правил: он как будто говорит, что тело есть его основная реальность, и что он хочет остаться в простом физическом раю, а не быть выброшенным в мир «правильного и неправильного».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.